

Русская муза парижской моды

Юрий КОВАЛЕНКО,
«Новые Известия», Париж

27-летняя Ольга Пантюшенкова — одна из немногих русских манекенщиц, которые сегодня входят в узкий круг европейских топ-моделей. Она родилась и до 19 лет жила в Петербурге, а затем отправилась завоевывать Париж.

— Путевку в красивую жизнь вам дало агентство моделей «Элит»?

— Нет. У меня долгая история. Я приехала во Францию через агентство «Пипл», которое занималось не только моделями, но и актерами. Но я с ними не сработалась, они в меня не поверили. Тогда я сама пришла в «Элит», поскольку была знакома с директором агентства «Элит интернэшнл» Пьером Шампуром. Он был на конкурсе в Москве в 1991 году, в котором я заняла третье место. Пьер меня вспомнил, и мы начали вместе работать в 1993 году.

— Тысячи красавиц всего мира пытаются стать манекенщицами, но удается лишь избранным. Кому приходит успех?

— Манекенщица не являет собой эталон красоты. Важнее, наверное, индивидуальность и оригинальность... Через свою работу девушки могут найти себя с неозиданной стороны.

— То есть, начав манекенщицей, можно уйти в другую сферу?

— Конечно. Стать, например, стилистом. Если ты творческий человек, эта работа открывает возможности разобраться в себе и понять, к чему у тебя действительно лежит душа.

— Но есть и объективные «факторы» — приятная внешность, длина ног, объемы талии, груди и бедер...

— Есть какие-то нормы, но они на данный момент размыты. Главное, быть личностью, человеком, в котором на подиуме или через фотографию можно было что-то увидеть — даже его мир духовный.

— Нужно обладать сильным характером?

— Если ты не сильная натура, то тебе в мире моды не выжить. Всем кажется, что это просто красивая жизнь, но это работа, которая требует жертвовать личным.

— И что же самое трудное в вашем нелегком ремесле?

— Наверное, сохранять гармонию с самим собой. В какой-то момент даже самые сильные начинают вдруг распадаться. Но надо собраться, подумать, что ты есть, откуда ты пришел и чего хочешь добиться.

— Нужно и умение работать локтями, иметь каких-то покровителей?

— Наверное, нужно иметь какой-то талант, у которого всегда найдутся поклонники. Они за тебя и будут работать локтями. Есть, конечно, люди, которые мне покровительствуют. Им нравится, что я делаю. Во мне, наверное, есть какой-то потенциал. И многие из тех, с которыми

я работаю, считают, что я пока не сумела себя полностью выразить.

— У вас самой репутация интеллектуалки. Это помогает на вашем поприще?

— Я человек разносторонний и открытый, мне интересно все новое, люблю стереотипы. Не стань я манекенщицей, я бы реализовала себя в чем-нибудь другом. Я с 13 лет пишу стихи, занимаюсь фотографией, которая не имеет ничего общего с миром моды. Пробую себя как стилист. Я считаю, что смешение стилей может вылиться во что-то интересное. Новое, как известно, — это хорошо забытое старое, и сейчас эклектически соединяются стили разных эпох.

— Как я слышал, вы до Парижа хотели уйти в монастырь?

— Лет в 15 я стала искать себя. И мне тогда казалось, что самым простым было бы уйти в монастырь, чтобы подумать о жизни. Но я не тот человек, который мог бы быть монашкой.

— Много ли среди топ-моделей наших девушек?

— Наши женщины очень красивые. Их красота, быть может, связана с соприкосновением с природой. Кроме того, в России нам приходится выживать, бороться за себя, тогда как на Западе этого нет. Здесь девушки очень капризные, спесивые, а мы терпеливые — по крайней мере, были раньше... Когда я жила в России, я ничего не слышала ни о наркотиках, ни о других искушениях, которых так много на Западе. Я рада за русских девушек, которые сделали здесь карьеру, но многие из них так быстро разочаровываются, когда понимают, что это не просто золотой дождь, что нужно работать. Поэтому часто они все бросают, занимаются не зная чем.

— Почему же они не выдерживают?

— Потому что и модельный бизнес, и все это разношерстное общество подвержены разным искушениям, через которые проходишь как через какие-то круги ада.

— Миновала ли вас чаша искушений?

— Я стараюсь не поддаваться, борюсь. Но идеальных людей нет, а женское и творческое любопытство всегда сильны. Не думаю, что эти круги я уже миновала.

— У вас есть подружки среди русских манекенщиц?

— Манекенщицам — будь они русские или другие — тяжело дружить. Мы так с этим миром моды плотно соприкасаемся, что когда есть время для отдыха, то не очень-то хочется о нем вспоминать. Поэтому я редко хожу в места, где собирается вся тусовка. Это все равно что прийти на работу — те же манекенщицы, стилисты, фотографы, журналисты.

— К какому же миру вы стремитесь?

— Я люблю классическую музыку, которую открыла для себя два года назад, и спорт... Вообще мой круг знакомых достаточно замкнут, но я не ишу общения с людьми ординарными. Мне нравится, ко-

Ольге Пантюшенковой удалось войти в узкий круг европейских топ-моделей.

гда человек любит самого себя. Когда человек считает, что он индивидуален, то перестает обращать внимание на свои комплексы и открывает для самого себя, и для других. Он может быть экстравагантен, невыносим, но он такой, какой есть.

— Где же проявились ваши спортивные успехи?

— Я занималась художественной гимнастикой, плаванием и стрельбой. До сих пор хожу в тир на Елисейских полях.

— Если бы были состязания по стрельбе среди манекенщиц, у вас были бы шансы стать чемпионкой?

— Безусловно.

— Если помните, был такой фильм «Прет-а-порте», в котором мир моды, полный тщеславия, показан в весьма ироничном свете. Он такой и есть?

— В принципе, да. В нем есть какой-то элемент извращения, и именно поэтому из него так трудно выйти без потерь.

— Каким Домам моделей вы отдаете предпочтение?

— «Шанель», моделям Джона Гальяно, созданным до того, как он стал работать у «Кристиан Диор». К сожалению, то, что он делает сейчас, трудно носить каждый день... Я бы так же назвала «Селин» и «Балансиага».

— Правда, что к вам особенно неравнодушен Ив Сен-Лоран?

— Этого я не знаю. Помню, что сама была к нему равнодушна. Он меня

очень удивил своей мягкостью характера. Может, это звучит странно, но я была в него влюблена. Мне кажется, что симпатии были взаимны, хотя сейчас с его Домом я работаю меньше.

— Вам приходилось говорить «нет» кому-нибудь из известных модельеров или фотографов?

— Конечно. У меня есть даже свой «черный список», в который занесены несколько фотографов и Домов моды: «София Рикель», один стилист Дома «Кристиан Лакруа». Осознание того, что мы не можем работать, приходит после того, когда вы попробовали сделать что-то вместе. Говорить «нет» не приходится, потому что мы поняли это взаимно.

— Вам доводилось участвовать в парадах отечественных кутюрье?

— Каждый год я участвую в дефиле наших дизайнеров — Середина и Васильева. Они живут в Москве, делают коллекции прет-а-порте и от кутюр и привозят их в Париж. В прошлом году на «Мосфильме» вместе с Андрисом Липой мы сняли для прибалтийского Дома моды «Ателье» клип на тему Марлен Дитрих, роль которой я как бы играла. Мне никогда не приходилось иметь дело с Зайцевым. Я участвовала в нескольких шоу Юдашкина, но у меня другой стиль, мы друг друга поняли и больше вместе не работаем.

— Вас интересуют потусторонние поиски модельера Пако Рабанна, который является последователем Нострадамуса и предсказывает апокалипсис всему человечеству?

— Я не отношусь к его пророчествам серьезно и никогда не думала, что он может быть так наивен. Одно дело — свои личные поиски, другое — объявлять в прессе конец света. И все над тобой начинают смеяться.

— Вы предпочитаете участвовать в дефиле или рекламировать парфюмы или косметику?

— Дефиле — время всегда сумасшедшее. Мне нравятся студийные съемки тем, что я могу внести в эту работу что-то свое. И получится не то, что хотели фотографы, а какая-то наша общая работа.

— Что сейчас самое-самое? К чему сейчас, на ваш взгляд, надо стремиться в моде?

— К какой-то дерзости стиля. Если ты дерзок, то будешь современен. Занимаясь поиском себя, можно соединять, казалось бы, несоединимые вещи. Это кажется, в частности, бижутерии, сумок, обуви. В последние месяцы возродился интерес к русской линии. Декабрьский номер английского издания журнала Elle посвятил 10 полос теме «Матушка Россия».

— Что сейчас самое-самое? К чему сейчас, на ваш взгляд, надо стремиться в моде?

— К какой-то дерзости стиля. Если ты дерзок, то будешь современен. Занимаясь поиском себя, можно соединять, казалось бы, несоединимые вещи. Это кажется, в частности, бижутерии, сумок, обуви. В последние месяцы возродился интерес к русской линии. Декабрьский номер английского издания журнала Elle посвятил 10 полос теме «Матушка Россия», подготовленные стилистом Клаудией Навоне. Снова смесь всего русского из разных эпох — шапки, бижутерия, бусы, вышивка, бисер, кудрявые локоны, платье в горошек. Здесь и вариации на тему фильма «Доктор Живаго», и вещи «Сен-Лорана» и «Шанели». Эти фото на-

поминают фото моей бабушки послевоенного времени.

— В серии «Матушка Россия» вы выступаете как модель. Что вы создали как стилист?

— Я пока делаю тесты с манекенщицами, выбирая и одежду, и прически. Я работаю и для русского издания журнала «Мари Клер». Меня приглашали ассистенткой к известным стилистам, но я не уверена, что хочу быть ассистенткой, поэтому пытаюсь создать что-то свое.

— Модельеры почти полностью раздели женщину — по крайней мере, ту, которая выходит на подиум. Это делается во имя искусства Высокой моды или для приманки клиентов?

— И то, и другое. Дизайнеры делают это ради искусства, а публика это воспринимает по-своему.

— То, что демонстрируют на своих дефиле Гальяно или Маккуин, больше похоже на эпатажный спектакль, чем на парад Высокой моды...

— Да, я с вами согласна. Как я уже говорила, Джон Гальяно раньше делал очень интересные костюмы, но потом, видимо, захотел обновить свой стиль. Никто из моих знакомых не может это носить — даже в театре. Все недоумевают. Может, в его сознании это некий постмодернизм, который приведет к чему-то новому?

— Не кажется ли вам, что Высокая мода бесконечно далека от того, что мы видим на улице?

— Жизнь — это спектакль. С утра мы встаем, одеваемся, играем какую-то роль. Делать это можно по-разному, и в этом и есть момент современности.

— Ваш идеал мужчины?

— Раньше я думала, что это кареглазые жгучие брюнеты, добрые при этом. Мне казалось, что они должны быть темпераментны, но, как ни странно, это не так. На самом деле, они желают быть соблазненными, а не соблазнителями. Мне нравятся сильные мужчины после 35 лет, у которых нет ветра в голове и которые знают, что хотят.

— Вам ближе по темпераменту итальянцы, французы или все-таки россияне?

— Наученная горьким опытом, я думаю, что это не зависит от национальных черт или особенностей той или иной культуры.

— Вы себя чувствуете парижанкой?

— Скорее инопланетянкой. Прожив 8 лет в Париже, я немножечко офранцузилась, но французской ни в коем случае не стала. Я не чувствую, что принадлежу к какому-то определенному обществу или культуре. Я не от мира сего...

— Вашего общества сейчас, наверное, добавляются лучшие сыны европейского джет-сета?

— Я была бы польщена, если бы они этого добились более заметно. Есть мужчины, которых я называю «пиковые валеты». Их привлекает образ сильной

женщины. Они то выплывают, то уходят, когда им нужно.

— Неужто у вас нет друзей?

— У меня очень много знакомых, но друг один. Это моя школьная подруга, которая до сих пор живет в Петербурге, ничего общего не имеет с миром моды и никогда не уезжала из Питера. Она очень сильный человек, понимающий, что хорошо и что плохо. У нее прямая стезя. Она работает в налоговой полиции. Я же до сих пор не знаю, что такое хорошо, и, чем старше становлюсь, тем сильнее сомневаюсь в том, что мне это когда-нибудь удастся узнать.

— Вы навечно обосновались во Франции?

— Я так не считаю и не знаю, с чем будет связана моя дальнейшая жизнь, но не думаю, что с Парижем. Я могла бы вернуться в Петербург и заниматься тем же самым.

— Все проходит — не только мода, но и молодость. Вы уже думаете о том пока еще далеком дне, когда вам придется заняться чем-то другим? Когда вы станете самостоятельным творцом?

— Я не уверена, что это вообще произойдет. Я смогу воплотить свои замыслы, если найду человека, который поможет мне увидеть и жизнь, и саму себя. Я имею в виду спутника жизни или доброго друга, единственного любимого мужа. Если бы я была любимой и любящей, то это помогло бы мне разобраться в том, на что я способна.

— Когда же выйдет в свет ваш первый сборник стихов?

— Он должен выйти в России. Я не хотела бы выпускать просто сборник — это неактуально, — а издать стихи вместе с фотографиями. Мне раньше нравились Лермонтов и Баратынский, а позже Блок и Ахматова, Бродский и Польш Элюар. Моя лирика слишком романтическая и очень женственная — это меня и смущает.

— Кто из литературных героинь вам ближе? Наташа Ростова, на которую вы, как мне кажется, немного похожи?

— Настасья Филипповна... Мне кажется, что я трагическая фигура.

— Ваша французская коллега Летиция Каста довольно успешно перешла в кинематограф. Вам не хочется последовать ее примеру?

— Хочется. Мне предлагали несколько ролей, все неподходящие. Если играть в кино, то я бы хотела сняться в роли, которую сыграла Милла Йовович в фильме Бессона «Пятый элемент». Нравится мне и Изабель Аджани. Я пока не могу решить для себя, являюсь ли драматической актрисой или комедийной. Мне бы хотелось в кино выразить те чувства, которые нельзя выразить в жизни. Как это сделать, я не знаю.

— Поиск продолжается?

— Поиск и борьба. С самой собой и со всеми.